

Монастырский Юрий Эдуардович,

профессор кафедры гражданского права и процесса юридического института СевГУ, профессор кафедры международного частного и гражданского права МГИМО, доктор юридических наук

E-mail: monastyrsky@mzs.ru

Author ID 1050419 SPIN-код 6378-9760

УДК 347.4 ББК 67.408 EDN YXKTLS

СУДЕБНАЯ ДИСКРЕЦИЯ В АКТИВИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ПРИ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТИ

Аннотация. В настоящей публикации автор предпринял попытку развить научный и цивилистический дискурс о принципе и понятии «добропроводность». Предлагается определить, вопросом права или факта она должна являться, так как ее антоним «недобросовестность» – категория, активно используемая в правоприменении. Исходя из законодательного употребления добросовестности и недобросовестности, достигающей квалификации злоупотребления правом, влекущей и отказ в юридической защите, и ответственность, автор задается вопросом о том, какие исходя из регулирования правовые последствия должна иметь обычная недобросовестность, разумеется, кроме случаев, когда она порождает предписанные правовые результаты у недобросовестного приобретателя, при ведении переговоров (п. 3 ст. 434¹ ГК РФ), сделки в результате обмана (п. 2 ст. 179 ГК РФ), у определяющих действий корпорации лиц (п. 1 ст. 53¹ ГК РФ), то есть в общем смысле, и дает на него ответ. В публикации затрагивается важнейший вопрос о соотношении недобросовестности и вины как фундаментальных и самоценных понятий. Мысли автора сформировались также под воздействием анализа собственной длительной практической профессиональной деятельности в сфере разрешения споров.

Ключевые слова: добросовестность; злоупотребление правом; судебное усмотрение; вина; принципы права; судебная практика.

I. О логическом месте понятия «добропроводность»

Важнейший сквозной или фундаментальный принцип, осознаваемый в том числе интуитивно в сложных и неоднозначных обстоятельствах, должен мыслиться и употребляться при единообразном понимании его границ и места в системе понятий и институтов, таких как «вина», «неправомерность» и т.д., выражен в ГК следующим образом: «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно».

Статья 10 ГК РФ запрещает заведомо недобросовестное осуществление прав – злоупотребление правом. Поскольку законодатель в базовых общих нормах ввел термины с положительным и отрица-

тельный знаком – «добропроводность – недобросовестность», «добропроводный – недобросовестный», – он как будто бы сделал названные категории в глазах цивилистов правовыми, расширив цель их употребления. Теперь недобросовестный – характеристика очень широкая; это и тот, кто проявил вину и совершил уголовный проступок либо более тяжкое преступление, например фальсифицировал документы в гражданском процессе^{1,2}, присвоил ценную вещь, неосторожно повредил имущество. Таким

¹ Зачастую недобросовестность также связывается со злоупотреблением процессуальными правами (см., напр.: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2009).

² См. также: Ласкова В.Г., Салмина С.Г. К вопросу об ответственности за процессуальную недобросовестность в судебном процессе // Вестник

образом, обвиняемый и правонарушитель недобросовестны, так же как и лица, которые ведут себя нечестно или неэтично, и не более того.

Высшая судебная инстанция в своих разъясняющих постановлениях Пленумов № 25 и № 46 в 2015 г. и в 2021 г. соответственно высказалась о понятии «доброповедение» «как обычно ожидаемое от лица»^{3,4}. Такая квалификация не бесполезна, но она должна пониматься исключительно узко. Скорее всего, Верховный Суд Российской Федерации не считает возможным слишком подробно уходить в правовую теорию, что создает риск ее несоответствия в перспективе большого количества лет. Из судебского определения не следует выводить, что любое неожиданное поведение есть проявление недобросовестности. Такое широкое обоснование этической предосудительности трудно приспособить к процессу правоприменения исходя из упрощенного сопоставления категории «невиновность» и «доброповедение» как вида и рода, более конкретного, узкого, четко направленного определения и его более широкой основы. Напомним, что с 1994 г. невиновность в российском ГК РФ раскрыта как «требуемая степень заботливости и осмотрительности по характеру обязательства и условиям оборота» (ст. 401 ГК РФ). Как представляется, методологически Верховный Суд предпринял попытку дать разъяснение сути более широкого понятия через явно более узкое. Она рискованна и не всегда бывает успешной. Доброповедность оценивается и не может не оцениваться помимо поведения, некоего внешнего проявления, еще и внутренними мотивами, целями, задачами, стремлениями. Законодатель это

понимал, поэтому он определил крайнюю недобросовестность, в частности, «исключительной целью причинения вреда другому лицу» (ст. 10 ГК РФ).

Доброповедность – важное понятие, ждущее дальнейшей доктринальной разработки^{5,6,7,8} и призванное усовершенствовать оценку поведения участников оборота. Соответствующий термин стал использоваться для характеристики действий и употребляется в ГК РФ вместе с его полным антонимом. Крайняя степень недобросовестности по ГК РФ порождает ответственность деятеля. Из-за этого вполне конкретные правовые категории, особенно такие, как вина, строгая ответственность, утрачивают свое значение и заменяются суждениями о нравственном поведении как условии правовой защиты⁹. При этом стандарт защиты иногда ухудшается, так как виновность нужно опровергать, а чужую недобросовестность доказывать^{10,11}. Вина – понятие разработанное,

⁵ Вместе с тем было бы неправильно не отметить посвященные добром совести труды как классиков гражданского права, так и современных ученых. См. напр.: Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права. Вестник гражданского права, 2006, № 1.

⁶ См.: Егоров А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal Insight. 2013. № 2. С. 4–10.

⁷ См.: Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // Аequum ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / Отв. ред. А.М. Ширвиндт. М.: Статут, 2014. С. 203–242.

⁸ См.: Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019. 278 с.

⁹ Что, собственно, и проявляется в отечественной формулировке запрета злоупотребления правом и последствий нарушения этого запрета. Ср. положения пп. 1, 2 ст. 10 ГК РФ.

¹⁰ См., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 1 сентября 2015 г. № 5-КГ15-92 («Презумпция добросовестности и разумности действий субъектов гражданских правоотношений предполагает, что бремя доказывания обратного лежит на той стороне, которая заявляет об этом») // http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1370448

¹¹ См. также: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 апреля 2018 г. № Ф05-3403/2018 по делу № А40-67940/2017 («Бремя доказывания недобросовестности и неразумности действий субъекта гражданских правоотношений лежит на той стороне, которая заявляет о недо-

Югорского государственного университета. 2016. Вып. 1 (40). С. 234–236.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // <https://www.vsrif.ru/documents/own/8435/>

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // <https://www.vsrif.ru/documents/own/30629/>

традиционное, получающее нормативное закрепление как «незаботливость» и «неосмотрительность» в зависимости от условий оборота и характера обязательства¹². Здесь представлена превосходная формула, позволяющая варьировать объективную и субъективную оценки поведения. Далее, категория вины предполагает двусторонний анализ правомерности поведения обязанного с одной стороны, и управомоченного – с другой¹³. Несмотря на это, вину ряд авторов до сих пор пытается определить через недобросовестность¹⁴, т.е. более широкое понятие, когда по крайней мере требуется уточняющая характеристика.

Вина как фундаментальная правовая категория – важный регулятор прежде всего такого основополагающего института, как ответственность. Последняя носит восстановительный¹⁵, а также стимулирующий характер, существует как виновная, так и безвиновная ответственность, причем сама *culpa* подразделяется на легкую и грубую неосторожность и умысел¹⁶. Более того, все более расширяется сфера ее применения за счет правовой категории

«бrosseвости и неразумности этих действий» // <https://clck.ru/34F4CP>

¹² Ср. абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ.

¹³ Что особенно наглядно выражается в т. н. институте «вины потерпевшего» / «вины кредитора» – см. об этом: Сударев Г.А. Некоторые трудности при определении границ вины потерпевшего // Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 83–135.

¹⁴ В то же время достаточно четкое разделение этих понятий можем найти у К.В. Нама. См.: Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 32–33.

¹⁵ См., напр.: Гутников О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. С. 137 («Гражданско-правовая ответственность направлена прежде всего на восстановление имущественной сферы потерпевшего, а не на наказание нарушителя и носит компенсаторно-восстановительный характер»).

¹⁶ Данное различие восходит еще к римскому праву (см., напр.: Голубцова Ю.А. Понятие вины в римском частном праве и его восприятие в российском гражданском законодательстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4 (22). С. 155–161).

«степень вины»^{17,18}. Кроме случаев, прямо предписанных, это регрессное требование ввиду несения субсидиарной ответственности сопричинителей, моральный вред, грубая неосторожность кредитора и должника при деликтах. Сейчас о степени вины говорят как о необходимом условии прямой ответственности контролирующих лиц¹⁹.

Добросовестность не может иметь градаций; нет установки, что вследствие, например, высокой степени этого качества кредитор получает больший размер убытков, а должник ввиду грубой недобросовестности присуждается к большему изъятию средств. Справедливости ради стоит отметить, что одно разграничение существует в ГК РФ: это первое – недобросовестное поведение, а также «осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью» и «иное заведомо недобросовестное осуществление прав» (злоупотребление правом). Второе по ГК РФ должно влечь за собой и отказ в правовой защите, и несение убытков²⁰. Отсюда не без некоторой твердости можно утверждать, что добросовестность – фундаментальный принцип гражданского права России, но понятие это в первую очередь фактологическое, а не только правовое, со своим особым значением.

¹⁷ См., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. № 41-КГ21-4-К4, 2-273/2019 («При рассмотрении спора суд обязан установить степень вины лиц, признанных ответственными за причиненный вред, и взыскать... выплату с учетом установленной судом степени вины лиц... Обращение с самостоятельным заявлением об установлении степени вины законодательством не предусмотрено») // https://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=1988934

¹⁸ См. также: Гарамита В.В. Вина как основание гражданско-правовой ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

¹⁹ См., в частности: Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: Монография / А.З. Бобылева, Д.Е. Горев, Ю.А. Заичева и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстициинформ, 2022. С. 139–140 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ К похожему разделению приходит и К.В. Нам. См.: Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 32–33.

Иногда добросовестность выставляется в качестве регулятора ответственности в гражданском праве. Необходимо понимать, что это место уже занято концептом вины. Добросовестность – трудноопределимая категория. Соответствующий термин имеет много синонимов, ее интегральный контекстуальный заменитель – это честность²¹. Другие эквиваленты добросовестности – совестливость, верность, точность, внимательность, старательность, аккуратность, сознательность, исправность, скрупулезность, усердность, пунктуальность, беспристрастность, правдивость, обдуманность, солидность, объективность, преданность, значимость, добротность, наружность, крепость, прочность – скорее, находятся вне правового контекста.

Если добросовестность избавить от оттенков старательности и тщательности, то она как принцип именно права, понимаемая в юридическом, а не в общем смысле, становится регулятором предоставления либо лишения гражданско-правовой защиты, и этот смысл заложен в отечественную кодификацию изначально, что, например, выражено в ст. 60 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.: «От лица, которое добросовестно приобрело имущество не непосредственно у собственника, последний вправе истребовать имущество (ст. 59) лишь в том случае, когда оно им (собственником) утеряно или похищено у него»^{22,23}. Здесь установлен отказ в юридической защите недобросовестного приобретателя.

Данный подход нашел развитие в п. 1 ст. 10 ГК РФ, но формула здесь оказа-

²¹ Так, в словаре В.И. Даля «добросовестный» определяется как «правдивый, праводушный, честный» // <https://talkdict.ru/dal/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%BE>

²² Указанное проявление добросовестности в доктрине частно именуют *субъективной добросовестностью* – см. об этом: Дождев Д.В. Принцип добросовестности в гражданском праве// Принцип формального равенства и взаимное признание права. М., 2016. С. 156–157.

²³ См. также: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к ст. 1–161 ГК РФ [Электронное издание. Редакция 1.0] / А.В. Асоков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 173–181 (автор фрагмента – А.Г. Карапетов).

лась неудачной. К действующей редакции указанной нормы, находящейся в Общей части Кодекса и потому системообразующей, направляются своего рода юридико-технические претензии. Она устанавливает, что при обходе закона, целевом причинении вреда лицу, а также заведомо недобросовестном осуществлении прав юрисдикционные органы отказывают в предоставлении защиты и по иску потерпевшего взыскивают возникшие у него убытки. Возникает вопрос об обычной недобросовестности, которая, в отличие от ее антонима, имеет юридическое значение, так как позволяет правовое вмешательство или требует его. Добросовестность в правовом поле не может означать особых преференций.

Итак, при обычной недобросовестности, которая не допускается общим положением п. 4 ст. 1 ГК РФ, как будто бы не наступают неблагоприятные правовые последствия для нарушителя. Однако полагаем, что так считать неверно, и обращаем внимание на то, что п. 2 ст. 10 Кодекса сформулирован как императивная норма об обязанности суда лишить соответствующее лицо правовой защиты при заведомо недобросовестном осуществлении гражданских прав или злоупотреблении правом. В случае же просто недобросовестности при ее неизбежности в имущественном обороте (а ею можно считать любое проявление эгоизма и нечестности) суд должен иметь дискрецию относительно лишения истца защиты. Кроме того, имеется ли заведомость проявленной недобросовестности, зависит от усмотрения суда. Отдельные нормы гражданского кодекса фактически рассматривают недобросовестное поведение как основание для взыскания убытков и в некоторых особых случаях, среди которых заключение сделок под влиянием обмана и деструктивное ведение переговоров²⁴, обычная недобро-

²⁴ В качестве примеров также можно обозначить, в частности, следующие институты: а) положение п. 3 ст. 157 ГК РФ, согласно которому в случае, если лицо недобросовестно способствует или препятствует наступлению отлагательного или отменительного условия к своей выгоде, право аннулирует результат такого вмешательства за счет применения фикции ненаступления или фикции наступления условия соответственно;

вестность тоже является основанием для взыскания убытков (п. 2 ст. 179, п. 3 ст. 434¹ ГК РФ). В этом заключается развитие значения категории недобросовестности, выразившееся в ужесточении ответственности по названным составам.

Итак, к редакции ст. 10 ГК РФ могут быть замечания, поскольку буквальное ее понимание следующее: недобросовестность недопустима, заведомая недобросовестность, не ускользая от внимания судей, должна иметь результатом отказ в исковой защите и взыскании убытков, если они возникают. Пункт 2 ст. 10 ГК РФ сформулирован как строгая норма, и реакция юрисдикционных органов при злоупотреблении правами предписывается законодателем. В этой же статье закреплен запрет на заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав²⁵. И, повторимся, из двух правовых категорий – добросовестности и недобросовестности – значение для правового регулирования имеет последняя, поскольку приводит в действие правовые нормы и оценки поведения; первая же относится к нормальному состоянию, при котором правовые механизмы пребывают в покое. Исходя из этого, мы должны ответить на вопрос: как быть, если недобросовестность проявлена, но ее нельзя считать заведомой и потому нельзя охарактеризовать как злоупотребление правом? Путем толкования данной важной нормы Общей части ГК РФ необходимо заключить, что при установлении обычной недобросовестности государственный либо третейский суд вправе отказать в защите, но не должен этого делать²⁶ (п. 3 ст. 1 ГК РФ), даже если недобросовестность не составляет нарушения прав. Оно в соответствии с регулированием воз-

никает только при заведомой недобросовестности, обмане и нечестном ведении переговоров, выразившихся в отрицательных последствиях для кредитора, и условиях для возложения ответственности на должника. И действительно, недобросовестность имеет множество разных проявлений, и, что главное, она в имущественном обороте неизбежна, а потому не должна всякий раз приводить к лишению правовой охраны.

II. О принципах гражданского права

Требование добросовестности составляет самый всеобъемлющий из принципов гражданского права. Они – основные положения регулирования и правоприменения, обладающие нормативностью в смысле порождения вокруг себя в зависимости от подхода законодателя системы норм.

Роль и действие принципов очень динамичны. Обозначенные в трудах правоведов и даже не имеющие пока выражения в законодательстве, они могут на витках развития и реформирования общества усиливаться («защита слабой стороны») или даже ослабевать («*recta sunt servanda*»). В высказываниях и диссертационных работах серьезных авторов встречаются иные суждения о том, что принципы отличаются «непреходящей стабильностью, и не претерпевающие воздействия общественных и экономических обстоятельств», «...если они не реализовались в нормах позитивного права, они не утрачивают своего значения и не прекращают свое существование»²⁷. На наш взгляд, именно принципы изменением своего содержания, возрастанием и смягчением своего влияния дают жизнь праву, его развитию как организму, подверженному в том числе и незапограммированному изменению. Принцип добросовестности, имевший нормативное выражение в Российской империи (например, ст. 1539 Свода законов) и касавшийся лишь толкования договоров и вопросов владения, обозначенный в том числе в советских кодексах, по инициативе высшей судебной

b) институт недостойного наследника (п. 1 ст. 1117 ГК РФ) – об этих и других примерах см. также: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к ст. 1–161 ГК РФ. С. 251–263 (автор фрагмента – А.Г. Карапетов).

²⁵ См. подробнее: Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 52 и далее.

²⁶ Иную позицию находим у А.Г. Карапетова – см.: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к ст. 1–16¹ ГК РФ. С. 211–213 (автор фрагмента – А.Г. Карапетов).

²⁷ Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019. С. 17.

инстанции усилился у нас только в 2012 г., что нашло выражение в новых редакциях ст. 1 и 10 ГК РФ. Ранее была обозначена лишь презумпция добросовестности в п. 3 ст. 10. Отказ в защите вследствие злоупотребления правом был обусловлен дисcreцией суда (п. 2 ст. 10 ГК РФ в прежней редакции до 13 декабря 2012 г.). Принципы – графитовые стрежни, управляющие движением правовых смыслов по отдаленной аналогии с процессами в ядерном реакторе на атомной электростанции.

Характеристика принципов как основных начал²⁸ гражданского законодательства в доктринальном и методологическом смысле неверна,дается через более широкое, размытое понятие. Данная дефиниция совершенно теряет свое научное значение, поскольку из нее следует, что принципы по своему количеству уступают общему перечню начал, а это совершенно не так.

Слово «принцип» имеет латинское происхождение, и его значение выражено в словах «начало, объединяющее известную совокупность фактов»^{29,30}. «Принцип» – более конкретный концепт, чем «начало». Логика развития языка заключается в том, что новый синоним к первоначальному термину получает узкое значение и более четкую смысловую направленность, включая в себя более ограниченный круг явлений.

По нашему мнению, концепция ГК РФ состоит именно в различении принципов и начал, поскольку термин, обозначающий первые, включен в доктринальное выражение «принципы гражданского права», а вторые – в статутную формулу «основные начала гражданского законодательства». Принципы не упоминаются в Кодексе по той причине, что они участвуют в правоприменении, имеют определенную

динамику и изменяющийся смысл, причем определение их значения является прерогативой высшей судебной инстанции и доктрины. Любая задача в правовой системе может быть транслирована в принцип гражданского права. Начала законодательства не конкурируют между собой, чего нельзя сказать о принципах, сталкивающихся между собой и с началами, так как в основе их зарождения лежат также принципы (например, строгой ответственности и свободы договора, или несправедливого условия и свободы договора, или неприкосновенности частной собственности и справедливой конкуренции). Принципы на определенных витках развития правовой системы могут иметь разное значение; в их основе лежат меняющиеся интересы, которые могут приводить к акцентированию, подчас временному, тех или иных уже давно принятых норм.

Статья 1 ГК РФ «Основные начала гражданского законодательства» содержит фундаментальные положения о том, на чем основывается и чему должен подчиняться законотворческий процесс: на признании равенства регулируемых отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Об этом сказано в п. 1 данной статьи. Таким образом, названные правовые положения адресованы законодателю. Пункт 3 ст. 1 закрепляет фундаментальную обязанность для уже участников отношений действовать добросовестно при «установлении», то есть уяснении определенных пределов, при «осуществлении», то есть получении, умножении, преобразовании имущественных благ и т.п. и при «защите», то есть задействовании искового производства и формулировании требований, их реализации. Отсюда следует, что сформулированный здесь принцип добросовестности, который в своих словесных проявлениях имеет такие вариации, как «добрые нравы», «добрая совесть», «bona fide», не относится к законотворческому процессу и не имеет

²⁸ Гражданское право: Учебник в 4 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. 1: Общая часть. С. 44.

²⁹ Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Инт-лингвистич. исследований. Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

³⁰ См. также: Хныкин Г.В. Принципы и гарантии трудового права: состояние и проблемы реализации // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 1. С. 4.

отношения к взаимосвязи норм. Таким образом, принцип добросовестности нельзя считать началом гражданского законодательства. Для этого нужна была бы следующая формулировка: «Лица, причастные к законотворческой работе и сопровождению законопроектов, должны действовать добросовестно». Само собой разумеет-

ся, что это положение было бы излишним, не достигающим цели. При этом принцип добросовестности меняет свое предназначение и законодательную редакцию, что и произошло в 2012 г., когда формулировками он был усилен путем установления обязательной санкции за крайнюю недобросовестность – злоупотребление правом.

Библиографический список

1. Гарамита В.В. Вина как основание гражданско-правовой ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 155 с.
2. Голубцова Ю.А. Понятие вины в римском частном праве и его восприятие в российском гражданском законодательстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – Вып. 4 (22). – С. 155–161.
3. Гражданское право: Учебник в 4 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. Т. 1: Общая часть. – 576 с.
4. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000. – 411 с.
5. Гутников О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2018. – 599 с.
6. Дождев Д.В. Принцип добросовестности в гражданском праве // Принцип формального равенства и взаимное признание права. – М., 2016. – С. 156–157.
7. Егоров А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal Insight. – 2013. – № 2. – С. 4–10.
8. Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2019. – 1161 с.
9. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–161 Гражданского кодекса Российской Федерации. Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М: М-Логос, 2020. – 1469 с.
10. Ласкова В.Г., Салмина С.Г. К вопросу об ответственности за процессуальную недобросовестность в судебном процессе // Вестник Югорского государственного университета. – 2016. – Вып. 1 (40). – С. 234–236.
11. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: Монография / А.З. Бобылева, Д.Е. Горев, Ю.А. Зайцева и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2022. С. 139–140 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. – 2019. – № 1. – С. 32–33.
13. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права// Вестник гражданского права. – 2006. – № 1. – С. 124–281.
14. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, – 1999. – 702 с.
15. Сударев Г.А. Некоторые трудности при определении границ вины потерпевшего // Вестник гражданского права. – 2020. – № 3. – С. 83–135.
16. Хныкин Г.В. Принципы и гарантии трудового права: состояние и проблемы реализации // Трудовое право в России и за рубежом. – 2021. – № 1. – С. 3–6.
17. Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // Aequum ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / Отв. ред. А.М. Ширвиндт. – М.: Статут, 2014. – 245 с.
18. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2009. – 537 с.

MONASTYRSKY Yuri Eduardovich,

Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Law Institute of Sevastopol State University,
Professor of the Department of International Private and Civil Law of MGIMO University, Doctor of Laws,

E-mail: monastyrsky@mzs.ru

JUDICIAL DISCRETION IN THE ACTIVATION OF CIVIL LAW MECHANISMS IN CASE OF BAD FAITH

Abstract. In this publication, the author has made an attempt to develop the scientific and civil law discourse on the principle and concept of «good faith». It is proposed to define it as a matter of either law or fact, since it is the antonym of «bad faith» – a category actively used in law enforcement. Proceeding from the legislative use of good faith and bad faith, the latter reaching the qualification of abuse of the right, entailing denial of both legal protection and liability, the author questions what legal consequences, based on regulation, general bad faith should have, except, of course, for the cases when it gives rise to prescribed legal results for an unfair purchaser, e.g. in the course of negotiations (Clause 3 of Article 434¹ of the Civil Code of the Russian Federation) or fraudulent transactions (Clause 2 of Article 179 of the Civil Code of the Russian Federation), or for the persons determining corporate actions (Clause 1 of Article 53¹ of the Civil Code of the Russian Federation), that is, in general sense, and gives the relevant answer. The publication touches upon the most important issue of the relationship between bad faith and guilt as the fundamental and intrinsically valuable concepts. The author's thoughts have also been formed under the influence of the analysis of his own long-term practical professional activity in the field of dispute resolution.

Keywords: good faith; abuse of the right; judicial discretion; guilt; principles of law; judicial practice.

Ссылка для цитирования статьи:

Монастырский Ю.Э. Судебная дискреция в активизации гражданско-правовых механизмов при недобросовестности // Цивилист. 2023. № 3. С. 9–16.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023, принята к публикации 25.04.2023.